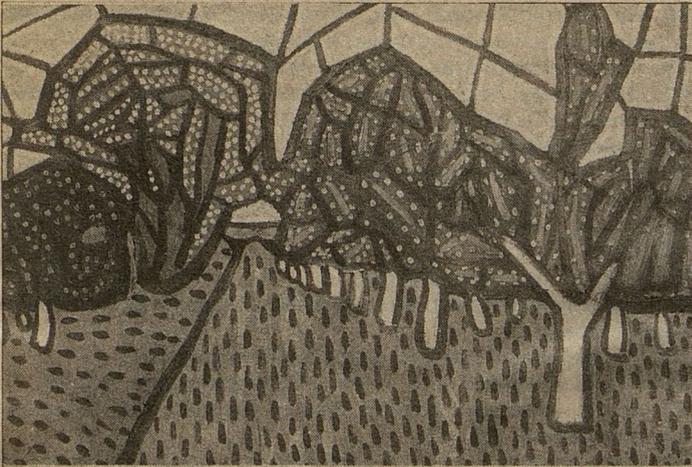

Человек, который спас русский авангард

В залах «новой Третьяковки» на Крымском валу открыта выставка «Русский авангард из коллекции Г. Д. Костаки», которая еще несколько лет назад была бы немислима в стенах крупнейшего хранилища русского национального искусства.

Сегодняшние молодые люди, вольготны и без особого интереса разгуливающие по этой выставке, наверное, не поверят моему рассказу о том, что нашему поколению, чья юность пришлась на 50-60-е годы, информацию о русском авангарде 10-20-х годов - проклятом, вычеркнутом из всех монографий, справочников и альбомов - приходилось собирать по крохам и самыми диковинными способами.

Мы покупали, например, ядовитые брошюры тогдашних «искусствоведов в штатском» типа «Критика буржуазных течений в эстетике» или «Реакционная сущность абстракционизма». Чтобы показать, какая постыдная дрянь все эти Кандинские, Малевичи, Шагалы, а также Эрнсты, Поллоки и Дали, брошюры были снабжены картинками. Картинки вырезались и наклеивались на картон,

а тексты выбрасывались. В некоторых иностранных журналах, доступных в ту пору - польском «Пшекруе», че-

хословацком «Кваты» и других, - были даже цветные репродукции. Вот этот материал мы и использовали в наших самодеятельных лекциях, проходивших на квартирах или в подвалах Крутицкого подворья, где бывал молодежный клуб «Родина». Об уровне тех лекций сегодня трудно судить, но какие-то первичные сведения о «запрещенных» авторах они бесспорно давали.

И не знали мы тогда, что рядом с нами живет удивительный грек по имени Георгий Дионисович Костаки (1913-1990), один из крупнейших коллекционеров нашего времени, так же, как и мы,

влюбленный в забытое и никому не нужное искусство русского авангарда. А ведь тогда были еще живы некоторые из художников, чьи имена гремели в начале века - они тихо доживали свои дни, пряча старые работы за шкапами и под кроватями, на дачах и чердаках. Когда они умирали, этот старый хлам выбрасывали - никто не верил, что странные полотна и композиции из деревяшек и проволоки кому-нибудь когда-нибудь пригодятся. И когда приходил странный грек и просил уступить эти вещи ему, мало кто отказывал, тем более что держать дома вещи, осужденные самой партией, было просто небезопасно.

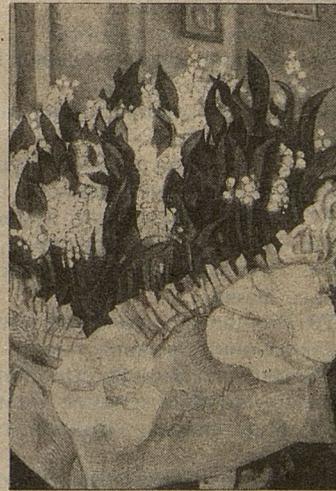
И коллекция Г. Костаки росла и пополнялась с каждым годом (а таких годов было 30) и к середине 70-х превратилась в одно из лучших в мире частных собраний классического русского авангарда 10-

20-х годов: в нем насчитывалось 1100 или более экспонатов - живопись, графика, книжные иллюстрации, декоративно-прикладное искусство. Здесь были представлены имена первой величины: Кандинский, Малевич, Шагал, Родченко, Степанова, Попова, Экстер, Черыгин, Лентулов, Ларионов и Гончарова и десятки других, не

столь известных художников, тех, кого называют «фоновыми» и без которых общая картина художественной жизни эпохи не полна. Все это богатство хранилось на проспекте Вернадского в огромной квартире, созданной из трех, соединенных в одну, и, что называется, «до краев» наполненной искус-

ством. Попастъ туда было мечтой многих, и, как ни странно, попадали ведь! - через знакомых и друзей, путем интриг и ухищрений. Автору этих строк также посчастли-

вилось побывать там году в 1976-м. Никогда не забуду своего ошеломления и чувства приобщенности к Большому Искусству. Помню, что я пытался что-то записать, потом хотя бы считать картины, но где-то на пятой сотне бросил...

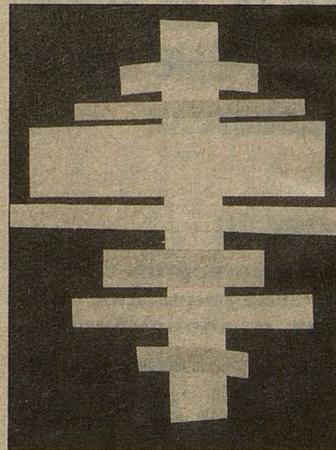
Как известно, уезжая в Грецию, Костаки взял с собой всего 300 картин, принес большую и лучшую часть коллекции - около 800 единиц хранения - в дар Третьяковской галерее. На выставке присутствуют вещи только из московской части коллекции, да и то всего 200 из 800 имеющихся, но и их достаточно, чтобы проследить очень полно разнообразие творческого наследия мастеров 10-20-х годов. Надо сказать, в цельном виде, как единый «организм», коллекция Костаки вообще выставляется у себя на Родине впервые - до этого лишь отдельные работы включались в выставки дома и за рубе-

жом, часто даже без указания имени дарителя...

Когда-то в России пользовались популярностью шуточные стихи Козьмы Пруткова, пародирующие увлечение тогдашних поэтов «новогреческой темой». Их знали все: «В поле брани Разорваки/ Пал за волюность, как герой./ Бог с ним! Рок его такой./ Но зачем же жив Костаки,/ Когда в поле Разорваки/ Пал за волюность, как герой?!» Думаю, что этими стихами не раз доучали и Георгию Дионисовичу, и он, как человек умный и обладающий чувством юмора, не обижался. Зато сегодня мы можем наконец уверенно ответить на ехидный вопрос начальника Пробринной палатки и по совместительству «классика» русской литературы Козьмы Петровича Пруткова: Костаки был оставлен жить, ибо ему был сужден иной, невоенный подвиг: спасти от забвения и гибели, сохранить для русской и мировой культуры блестящую страницу искусства России - авангард XX века. И за это ему наша вечная благодарность.

Олег ТОРЧИНСКИЙ.

На снимках: В. Бурлюк, «Пейзаж с деревьями», 1912; О. Розанова, «Париж-махерская», 1925; М. Шагал «Ландыши», 1916; И. Чашник. «Супрематические кресты», 1922-1923.

Москва, 1997 - 92 пр - с. 5.

Костаки Георгий Дионисович С. 04. 97